Известия ВЦИК № 254
гор. Москва 1924 г. 5 ноября

Две Москвы.

(На чествовании дома Щепкина).

У того скромного под'езда, где мы собрались, чтобы чествовать столетнего юбиляра, несколько десятков лет назад стояла другая толпа—студенты, передовая молодежь того времени...

Увлечение тогдашней молодежи театром было грандиозное. Любимцами были: Ермолова, Федотова, Живокини и Мартынова. Ермолова в роли Лаурентии—молодой крестьянской девушки, прижимающей на сельской площади залетевшую речь против власти тиранов, вызывала на галерее неистовую бурю. С такими же русскими или пьесы «Эрнани» Гюго, «Разбойники», «Коварство и любовь» Шиллера, «Эгмонт» Гете, пьесы Шекспира. Познания касались на Малый театр, на его репертуар и артистов. Московский полицмейстер в рапорте начальству причисляет артистов к элементу небезнадежному, желающему свержения существующей власти. Язвительные, острые пьесы Сухово-Кобылина, надуманные—Потехина вызывали в театре энтузиазм, пугавший Победоносцева и Александра III.

Литературно-художественное общество (помещалось в здании против Малого, где теперь 2-й МХАТ), университет, театр были не только культурными, но и общественными центрами.

В доме Щепкина собирался весь цвет московской интеллигенции—и западники, и славянофилы. Самые культурные представители своего времени: Станкевич, Белинский, Грановский, Герцен, Огарев, Тургенев, Боткин, Самарин, Аксаковы, Хомяков, Киреевский, знакомые Шиллера. Жаркие споры об искусстве и на философские темы. Между артистами Малого театра и университетской, ученой Москвой всегда была тесная связь. Лепский, Садовская и Правдин были членами общества любителей российской словесности при московском университете. Ермолова и Южин в числе состоят ныне. Профессора Стороженко, Лопатин, Иванов были членами литературного комитета при Малом театре.

В театральном музее Бахрушина открывается выставка, посвященная Малому театру,—наглядная история этого театра, его быта. В гравюрах, акварелях, портретах, подобранных по эпохам, фотографиях знаменитых артистов мы видим, как эволюционировал костюм от напудренных париков и жабо XVIII века, длинных сюртуков шестидесятников до наших дней; от Плавильщикова, Щепкина, Орловой до Ермоловой и Южина. Тут мы видим постановки разных эпох режиссеров — Чернявского, Кондратьева, Южина, классического западно-европейского и русского репертуара. Мы видим, как вместе с буклями и чепчиками наших бабушек эволюционировал репертуар. Основной репертуар Малого театра,—первоначально псевдо-классический и мелодраматический,—уступает место романтизму, историзму, социально-философским проблемам—классическому репертуару, трагедии, комедии. Малый театр эволюционировал, рос и «увенчивался лаврами» вместе с Фонвизиным, Грибоедовым, Гоголем, Островским, Пушкиным, Шекспиром. Вот в музее эскизы тщательно-реалистичные, по-старинному написанные известными декораторами прежнего времени Гельцером и Вальцом—[illegible] декораторы писали [illegible] [illegible] [illegible]

Театр в то время посещался преимущественно университетской и дворянско-помещичьей Москвой. Купечество, старообрядчество считало греховными, бесовскими театральные развлечения. Купечество бывало в театре только тайком, украдкой. Мелкому чиновнику, получавшему в Управе Благочиния два с полтиной в месяц, посещать театр было не по карману. Он мог изредка позволить себе удовольствие посидеть в трактире (если жена не уведет домой). С «волею» население Москвы увеличилось в три раза. Сюда перебрались в поисках заработка раскрепощенные ремесленники и обедневшие дворяне. Купечество стремилось стать в один ранг с угасающим дворянством. Появился новый купец и появился новый зритель-разночинец.

Внутренний вид театра в то время был несколько другой, чем теперь. В партере кресел не было. Зрители, платившие дешевые билеты, во время представления стояли; только у самой рампы были табуреты для более почетных гостей.

В костюмах того времени наблюдалась тяга к упрощению. В Париже после революции новые «Souverains» вместо треугольных шляп времен тирании надели круглые, вместо сапог — башмаки, убрали косичку, вместо шпаги на боку вооружились дубинкой droit de l'homme. Московские франты, следуя Парижу, надели круглые шляпы и английские фраки, на ногах чулки и штаны, как раньше, а суконные или из шерстяной материи не прежних цветов. На улицах франты появлялись в зеленоватых до кабуков, сюртуках с отложными воротниками, в узких, обтягивавших ляжки, панталонах, сходивших до половины в сапоги с гусарской кисточкой и пряжкой. Шея запорачивалась в платки; получался галстук, закрывавший подбородок и всю нижнюю часть лица почти в виде розарь. Затылок и виски выстригались под гребенку, а на голове, над лбом, оставался высокий взбитый клок волос. Московские франты носили красный бонет при зеленом шейфе, желтая шаль на розовом наряде; под женственной позолкой боярыни — искусственная роза из французского магазина; на руках лайковые перчатки, на ногах боты с отворотом. Позднее в Москве славилась портниха Минангуа. В театре дамы появлялись в ее туалетах с бонбоньерками от Люко (кондитерская на Петровке, где бывал Пушкин).

Студенты носили шинели с перелинами, похожие на военные, и треугольные шляпы, как у швейцаров. В 50—70-х годах появились студенты-народники—сами косоворотка, сапоги, длинные растрепанные волосы.

На первых представлениях в Малом театре бывали Пушкин, Мицкевич, Хомяков и все завсегдатаи старейшего из московских—английского клуба (клоба).

В дни расцвета таланта Ермоловой, Федотовой и Ленского была уже другая публика, и зрительный зал выглядел иначе. На первое представление и в бенефисы собиралась вся литературная и культурная Москва того времени; не позабывшие еще мы видели в 27 октября, на столетнем юбилее Малого театра!

Протекло целое столетие. Русская старая интеллигенция осталась верна Малому театру. В течение этого долгого срока, правда, случались антракты и более продолжительные паузы, появлялись и такие серьезные соперники, как Художественный театр... Но дом Щепкина, театр Островского, театр Ермоловой остался «старшим братом» русской драматической сцены.

В последний день столетнего отсчета к старым стенам Малого театра пришла и новая Москва, новый зритель—представители профессиональных и советских организаций пришли поздравить юбиляра. Пришли и артисты всех театров, всех направлений в полном составе. Театральные школы—молодежь.

Был серый октябрьский день, и старые-старые, трогательно жалкие старичок и старушка дома не решились [illegible] Малый театр. При блеклом дневном свете, без грима, лица старых актеров казались усталыми—дорого обходится артистическая слава, игра на нервах, минуты вдохновения, захватывающие зрителей. Усталость этих полных лиц, артистов отдавших так много своему народу, подчеркивается жизнерадостностью, бодростью, смелой злостью лиц новой смены, новой молодежи.

Вся площадь им. Як. Свердлова перед Малым театром занята процессиями, знаменами; оркестр играет туш. Среди шумных оваций, бурных аплодисментов и криков «ура», отдавая по-военному честь и, видимо, с трудом сдерживая волнение, идет к трибуне Александр Иванович Южин—знакомая типичная фигура с широкими прямыми плечами. Рядом с ним Василий Иванович Немирович-Данченко—деятель другого не менее славного театра, и Анатолий Васильевич Луначарский.

Бурные овации долго не дают начать речь Южину, и он слушает их, застыв в низком благодарном поклоне...

Заседание в театре... Знакомый зрительный зал—малиновый, штофный с золотом, скромно освещенный, узкие коридорчики. Старенький буфетер в неизменном сюртуке со светлыми пуговицами, бритый, с пенсне на черном шнурке.

Советский здесь нет зрителям. Закрытое семейное торжество—артисты, близкие артистам люди, депутации. Тут все, что уцелело от старой Москвы, и новые люди. В зрительном зале преобладают родственники артистов, театральные мамаши и бабушки в белых хофрированных перелинах, со шлейфами, в тюрбанах и чепцах со страусовым пером; они прожили свою жизнь возле сцены, за ее кулисами, в ее тени.

А на сцене делегаты и представители наших организаций. Дни Москвы! Но не праздничные! И на знамени, полученном Малому театру наркомом Луначарским, с одной стороны—советский герб, а с другой—герб Малого театра и надпись: «Искусство трудящимся».

З. РИХТЕР.